

19 июля 1976 г. Таллин

ЭСТОНСКОМУ БАЛЕТУ — 50

Вряд ли надо особо представлять заслуженную артистку ЭССР Хельми Пуур. Имя ее в истории эстонского балета овеяно легендой. Уйдя со сцены, она осталась в театре, передавая молодым свой опыт, свое подвижническое отношение к искусству.

Сегодня, в день, когда открывается Декада эстонского балета, мы публикуем выступление Хельми Пуур.

**ХЕЛЬМИ ПУУР,
заслуженная
артистка ЭССР**

«БАЛЕТ — МОЯ ЖИЗНЬ»

БАЛЕТ вошел в мою жизнь сразу и бесповоротно. Мне не пришлось мучительно раздумывать на тему — кем стать. Вся моя сознательная жизнь неразрывно связана с театром. С детства я любила танцевать, и взрослые всячески поощряли меня в этом. В конце 40-х годов я уже училась в начальных классах хореографического училища. Мы, учащиеся, конечно не пропускали ни одной новой постановки, а в некоторых принимали непосредственное участие.

В репертуаре театра «Эстония» было немало спектаклей. Некоторые из них оставили глубокий след в моей душе. Прежде всего это «Лебединое озеро» с участием Лии Вини, Вернера Хагуса и В. Васильевой. В Васильевой мне импонировали мягкость и лиричность ее художественной природы. Я даже была влюблена в нее. Мы жили в одном районе, часто ездили в одном трамвае, и я была безмерно счастлива, если мне случалось увидеть ее вне театра. Эти мгновенные встречи рождали какое-то неопределенное ощущение таинственности и желание неустанно работать.

Другим спектаклем, о котором я мечтала как актриса, была романтическая поэма Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Партия Заремы была для меня в то время высшей точкой мечты, а Юта Арг, исполняющая ее, идеалом балерины. Так же близко мне было исполнительское искусство Зои Калевы (Силла), Веры Леевер, Инге Пыдер и Бориса Блинова в балете Оранского «Виндзорские проказницы».

После окончания учебы я пришла работать в балетную труппу театра «Эстония» и считаю, что попала туда в очень удачное для себя время. Во-первых, все любимые мною артисты еще танцевали, и я имела возможность наблюдать их вблизи. И не только наблюдать. К Инге Пыдер я чувствую особую благодарность. Из-за очень большой, по сравнению с училищем, физической нагрузки и, возросшей, если так можно сказать, моральной ответственности, новичку порой бывает трудно сразу войти в рабочий ритм театра на должном уровне. Сердечное участие И. Пыдер, ее советы всегда оказывались тонизирующими и часто служили мне опорой. Во-вторых, первым руководителем, который начал «формировать» меня как артистку, был В. П. Бурмейстер, постановщик музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, осуществивший ряд спектаклей на нашей сцене («Шопениана», «Болеро», «Штраусиана», «Калевипоэг»). Моей первой работой под его руководством была партия Одет-

ты-Одиллии в «Лебедином озере». Чуткий художник, он умел почувствовать стиль драматической выразительности тогдашнего эстонского балета и очень удачно соединил его с классической хореографией постановки.

Вообще, нужно сказать, что постоянного балетмейстера труппа в этот период не имела, и спектакли часто ставили приезжавшие постановщики из других республик. Например, Борис Фенстер, В. Гривидкас, И. Григорович. Сейчас балет имеет постоянных руководителей, но традиция приглашать постановщиков жива и по сей день.

За сравнительно короткий срок мой репертуар значительно расширился. Я танцевала главные партии почти во всех балетах: «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Шопениана», «Тийна», «Мнимый жених», «Жизель».

Занятость была максимальной. Нельзя сказать, что репертуар был намного больше, чем теперь. Нет. Тогда было меньше профессиональных солистов, хореографическое училище еще не пополняло ежегодно балетную труппу. Поэтому получалось, что в течение нескольких сезонов весь классический репертуар вел неизменный солирующий состав. Одновременно со мной танцевали Тийю Рандвийр, Айма Лейс, Юлле Улла. Помню, бывали такие ситуации, когда кто-то заболел, или по каким-то причинам не может танцевать, тогда приходится «вести балеты» несколько раз в неделю, да плюс дневные репетиции. И хоть порой приходилось надолго забывать об отдыхе, в прямом смысле слова не чувствовала ног под собой, это было самое счастливое время в моей жизни. Ведь не может быть большей награды от публики, чем та, когда невозможно удовлетворить ее спрос.

Сейчас в труппе больше людей, потенциально больше солистов, и нынешним танцовщикам, как говорится, «умирать» не приходится. В чем их отличие от поколения, создавшего в нашем театре балет? Трудно выделить что-то одно, но все-таки можно отметить, что предшествующая плеяда артистов относилась к работе одержимее, что ли. Мне кажется, что это зависит от того, что сами условия театра воспитывали по-иному. В балет, естественно, шли только те, кто от всей души хотел танцевать. Попасть же в театральную труппу Р. Ольбрей было не просто. Этого добивались своим трудом, энтузиазмом. И низкий ей поклон за то, что она умела сохранить любовь артистов к театру, работе. Теперь у солистов ответственности ничуть не меньше, но, к сожалению, этого нельзя сказать о кордебалете в целом.

Помню, как тяжело порой от перегрузки приходилось Айма Лейс, как она присту-

пала к репетиции, буквально стиснув зубы. Вообще успех артиста зависит не только от него одного, но и от партнера. В связи с последней моей ролью (Джульетта в балете «Ромео и Джульетта») вспоминается работа с Хендриком Керге. Готовила эту партию в Ленинграде под руководством А. Я. Шелест. Партию Ромео танцевал Хендрик. Для того, чтобы репетиции проходили успешно и спокойно, Хендрик приезжал в Ленинград, хотя это и не входило в круг его обязанностей. Такое внимательное и, я бы сказала, предупредительное отношение к партнерше, может способствовать не только обоюдному успешному выступлению, но и качеству всего спектакля в целом. Должна заметить, что в этом отношении мне везло. Артур Койт, Вернер Лоо, Уно Пуусак, Ильмар Силла — все они, забывая о собственных удобствах, отдавали работе весь запас своих знаний и опыта.

В это время я понемногу начинала работать репетитором в театре. Педагогу приходится мириться с тем, что плоды работы не в его собственных руках, а проявляются через посредство другого человека. От этого педагогическая работа чуть грустнее и менее эгоистична. Но, конечно же, не без радостей. Испытываешь настоящее счастье, когда на твоих глазах неопытная танцовщица постепенно творчески вырастает и раскрывается, как бутон, чтобы донести до зрителя всю красоту своего дарования.

«Своею» я считаю Тамару Сооне. Мне импонирует талант Юты Лехисте. Всегда полны творчества репетиции с Тийю Рандвийр. Приятно работать с Натальей Лукашевич, Тамарой Буровой, Ольгой Чичеровой, Инге Арро. Целиком отдается работе талантливая балерина Элиита Эркина.

А вообще их много, хороших артистов и хороших работ. Правда, иногда бывает, что очень трудные роли (а ими могут быть не только главные) не всегда сразу получаются так, как хотелось бы исполнителю, не всегда творческие мечты совпадают с действительностью. И в связи с этим хочется пожелать молодым людям, чтобы они очень любили выбранную ими профессию, любили балет. И помнили, что только ежедневный честный труд лежит в основе продвижения вперед, и что в балете, как ни в каком другом виде искусства, нужно быть готовым к бесконечному преодолению самого себя. Это трудно. Очень трудно. Но ведь искусство никогда не было занятием развлекательным даже в легком жанре. А результаты придут. Быть может, не сразу, но непременно придут.

Фото Д. ПРАНЦА.